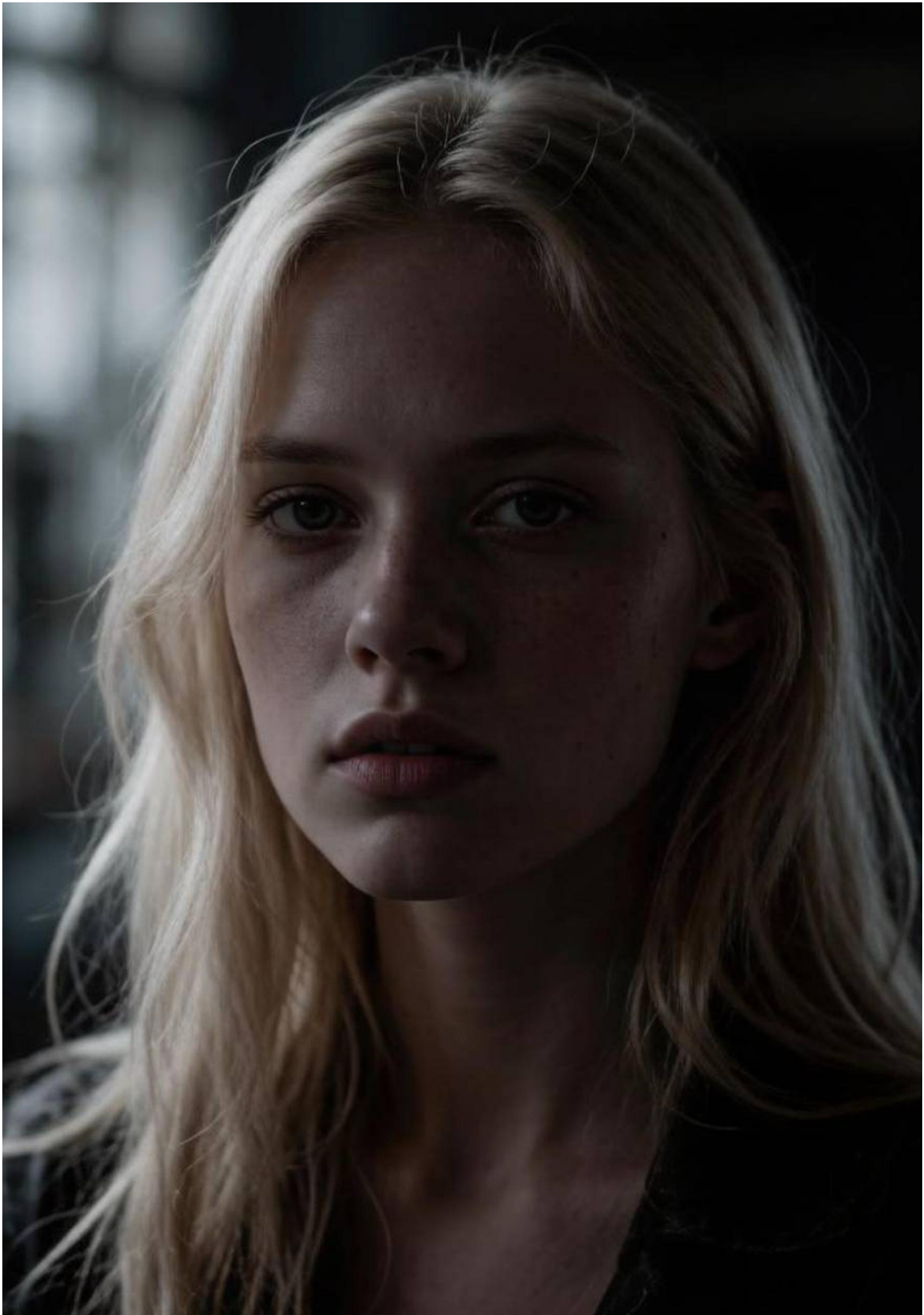

Евгения Компаниец

306

«Автор»
2026

Компаниец Е.

306 / Е. Компаниец — «Автор», 2026

306Доктор Артём Борисович двадцать лет разлучал жизнь и смерть в родильной реанимации. Он давно научился не верить в чудеса — пока однажды не увидел собственными глазами, как над умирающей пациенткой зажигается золотая искра, а в подвале больницы просыпается чёрная клякса, которая питается незавершёнными делами и чужим страхом.

© Компаниец Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Полное издание 6
Пролог. Три часа ночи 6
Глава 1. Четырнадцатая минута 7
Глава 2. Между этажами 10
Глава 3. Швы, которые не снимают 14
Глава 4. Ломка 18
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Евгения Компаниец
306

306

Полное издание
Том I

Пролог. Три часа ночи

Артём Борисович ненавидел февраль. Февраль в операционной пах озоном. За окном роддома снег падал вертикально, словно кто-то на небе задернул грязно-белые шторы, отрезав их от остального мира.

В три часа ночи в 306-й палате время остановилось…

Александра уходила быстро — но не до конца. Никакой грязи, никакой суетливой возни. Давление рухнуло в бездну, а пульс сыпал редкими зубцами, как искры на обгоревшем проводе.

— Тёма, — прохрипел старый анестезиолог, не отрываясь от мешка Амбу, — она на кромке. Держи её.

Артём — возле Саши. Двадцать лет в акушерстве — последние десять в родильной реанимации — научили его главному: граница между мирами здесь самая тонкая. Он видел, как душа приходит — золотистая искра под потолком. Двадцать лет он списывал эти искры на переутомление и дешёвый кофе. Сейчас он видел, как она уходит.

Он сделал всё, что мог. Экстренное кесарево, зажимы, адреналин. Он вытащил девочку — синеватую, недышащую, похожую на маленького нахохлившегося воробья. Передал неонатологам.

А потом повернулся к столу.

Саша ещё держалась. Прозрачная, но не до конца — как стекло, на котором остался отпечаток ладони.

Она стояла в углу операционной, прижимая руки к груди. На ней было то самое домашнее платье в мелкий мак, в котором она поступила. Она была прозрачной, но Артём видел её идеально: растрепанную косу, родинку на ключице, ужас в глазах.

— Я не чувствую её, — прошептала Саша, глядя на своё тело, вокруг которого уже суетились реаниматологи с дефибриллятором. — Где моя дочь?

Артём снял маску. Воздух в палате стал густым, как вода.

— Она жива. Два триста. Дышит сама.

Саша посмотрела на свои призрачные руки.

— Ты меня видишь.

— Вижу, — кивнул он. — Ты на самой кромке. Ещё шаг — и границу перейдёшь насовсем. Держись меня.

Он взял её за руку. Ладонь была тёплой. В ту секунду, когда их пальцы соприкоснулись, лампы в операционной мигнули, а за окном раздался оглушительный треск — огромная ветка тополя, не выдержав тяжести льда, рухнула на козырек приёмного покоя.

Глава 1. Четырнадцатая минута

Над Сашей всё ещё работали живые. Реанимация шла четырнадцатую минуту. Линия на мониторе прыгала редкими, судорожными зубцами — тело отказывалось сдаваться без боя.

В Лимбе паники не было. Здесь стояла густая, звенящая тишина — пахло озоном и пережженной изоляцией.

— Я не успела, — Саша стояла посреди палаты, растерянно глядя на свои руки. — Я же только воды попить хотела. Там в графине такая ледяная… Почему так темно?

Артём материализовался у окна. Он уже не вздрагивал от перехода. Его белый халат в Лимбе всегда выглядел идеально выглаженным, но на плечах оседала серая пыль чужого горя.

— ДВС-синдром, — сухо сказал он. — Кровотечение после кесарева запустило каскад: кровь начала сворачиваться прямо в сосудах. Мы ничего не могли сделать.

Врач внутри него всегда требовал точности. Даже здесь.

— Вы видите туннель? Свет? — спросил он, сканируя её реакцию профессиональным взглядом.

— Я вижу, что у вас на халате кетгутовая нитка прилипла, — ответила Саша. — И что вы не спали со вчерашнего утра. У вас глаза красные.

Артёма это взбесило. Она должна была метаться, спрашивать про Бога, биться в истерике. А она заметила нитку. Это было настолько по-человечески, что его скепсис дал первую трещину.

— Саша, — голос его стал жёстче. — Посмотрите наверх.

Она подняла голову. Прямо над дверью, сквозь бетонный козырек, медленно просачивалась вниз, в подвал, чёрная клякса. Она не имела формы, но температура в палате падала с каждой секундой.

— Это что? — голос Саши дрогнул.

— Это Пустота, — Артём не отвёл глаз. — Она жрёт незавершенные дела. У вас есть незавершенные дела?

— Ульяна… — выдохнула Саша. — Я не видела её. Она синяя была?

Артём сглотнул. Ложь далась лёгко — он врал пациентам всю жизнь.

— Розовая. Красивая. Спит сейчас.

Пустота услышала ключевое слово. Она рванулась вперед, вытягиваясь в длинный, пульсирующий жгут. Чёрная слизь начала обволакивать ботинки Саши.

— Она забирает страх, — быстро сказал Артём. — Не бойся.

— Я не боюсь за себя, — Саша смотрела на черноту. — Я боюсь, что она доберется до неё. До Ульяны.

В этот момент Артём понял, что пропал. Он видел тысячи таких теней. Но сейчас, глядя на то, как Саша инстинктивно делает шаг, закрывая собой воображаемую колыбель, он почувствовал то, чего не чувствовал двадцать лет — желание защитить не протокол, а человека.

— Куда? — процедил он, глядя на тварь. — Я её реаниматолог. Выписка через мою подпись. Рано.

Он шагнул вперед и положил руку на тень. Не для того, чтобы погладить — чтобы остановить. Для Пустоты Артём был чужеродным элементом. Он пах антисептиком и протоколом. Тварь зашипела, отдергиваясь от ожога.

— Саша, — Артём не обернулся, чувствуя, как лед ползет по его венам. — Держи периметр. Если начнет вибрировать — пой. Что угодно, колыбельную, лишь бы частота не совпадала с гулом пустоты.

Слева от него воздух пошёл рябью. Пустота, лишенная паники, которую она обычно высасывала, начала злиться. Она вытянулась вверх, принимая форму беззубой пасти.

— Тёма! — Саша схватила его за вторую руку.

В Лимбе, когда дело касалось живого тепла, физика менялась. Её пальцы не прошли сквозь него.

— Тише, — Саша повернулась к дверному проёму. — Он тут. Слышно, как скрипит подшипник.

Полупрозрачный силуэт проявился в дверном проеме. Мужчина в спецовке, на поясе — ключ от проходной, на груди тускло мерцало стекло, как бейдж. Виктор Павлович из четвертой палаты — инженер, которого Артём в реальном мире так и не успел спасти.

— Литол-24, — вдруг сказал Виктор Павлович, глядя сквозь Артёма в пустоту. — У моего отца был «Москвич». Он каждую субботу ковырялся в гараже. Пахло так же — бензином и старой ветошью. Он говорил: Литол — для ходовой, а для сердца машины нужно что-то нежнее.

Слова прошли мимо страха — прямо в инженера, который жил внутри Виктора Павловича. Профессиональная гордость — лучший якорь.

— У меня внук родился, — вдруг тихо сказал Виктор Павлович. — Вчера. Три двести. Пока я тут… с подшипником. Жена не звонила, наверное, не хотела тревожить.

— Позвоните, — сказал Артём. Его голос снова стал врачебным — спокойным, не терпящим возражений. — Прямо сейчас. В Лимбе отличная связь.

— Как? У меня нет телефона.

— Есть, — Саша чуть сжала его ладонь. — Он всегда с вами. Это то, ради чего вы жили.

Виктор Павлович посмотрел на свою грудь. Там, где у живых висит бейдж, мерцало тусклое стекло. Он нажал на него.

В реальном мире, в ординаторской, зазвонил личный мобильный Артёма, оставленный на подоконнике. На экране высветился номер жены Виктора Павловича — «неизвестный номер», который система приняла за внутренний вызов из палаты №4.

В Лимбе инженер поднял палец к уху.

— Алло? Лен? Ты чего звонишь? Я… я на секунду…

Пустота взвыла. Лишившись главного блюда — недосказанности — она попыталась взять силой. Тёмный жгут ударил в спину Виктору Павловичу, пытаясь утянуть его в шахту грузового лифта.

— Не отпускай! — рявкнул Артём.

Он шагнул между инженером и тварью. Тварь отшатнулась.

Артём не стал бить. Он вскрыл гнойник словами.

— Виктор Павлович! Завод простоит! Подшипник — это кусок железа! А внук — это продолжение вашего чертежа! Вы нужны ему, чтобы научить его затягивать гайки!

Инженер вздрогнул. Телефон в его руке засветился ярче.

— Лен, я тут… задерживаюсь. Но ты скажи ему… скажи, дедушка смотрит. И назовите его Павлом. В честь меня.

Он нажал отбой. Посмотрел на свои руки.

Потом на Артёма. Потом на Сашу.

— Литол-24… Надо же, какую ерунду я унес с собой. Лен, наверное, сейчас валерьянку пьет.

Саша улыбнулась и отпустила его руку.

— Она справится. У неё теперь есть внук. Это лучшее успокоительное.

Виктор Павлович кивнул. Он больше не выглядел прозрачным. Он светился ровным, тёплым янтарным светом.

— Доктор, — сказал он Артёму. — Вы уж там присмотрите за моим телом. Не давайте стажерам копаться. У меня там клапан на митральном чуть шумит, они могут перепутать с аортальным.

— Присмотрю, — серьёзно пообещал Артём. — Идите. Там за углом лифт. Кнопка четырнадцатая.

Инженер шагнул в стену. На том месте, где он стоял, осталась лишь горстка металлической пыли.

Пустота, лишившись добычи, зашипела и втянулась в вентиляционную решётку.

Артём тяжело оперся о реанимационный стол. В реальном мире его мобильный перестал звонить.

— Четырнадцатая кнопка, — выдохнул он, опускаясь на пол. — Откуда я это взял?

— Это этаж, где лежит его дочь, — тихо ответила Саша, стирая со щеки несуществующую пылинку. — Ты всегда знаешь, куда им нужно. А я просто помогаю не споткнуться на пороге.

Артём посмотрел на неё. В свете больничных ламп её ситцевое платье казалось почти настоящим.

— Следующий? — спросил он.

— Хирургия. Двое. Мотоцикл и «Газель», — ответила Саша, и её лицо на мгновение стало жёстким. — Там будет сложнее. Там нет внуков. Там только обида.

Артём встал. В реальном мире его тело лежало на диване в ординаторской. Он встал, подошёл к кулеру, налил воды. Руки дрожали.

Он подошёл к окну. Снег за окном всё ещё падал вертикально. Но теперь Артём знал: за этими белыми шторами есть ещё один этаж. И там всегда будет нужна помощь.

Он достал из кармана халата что-то маленькое и твердое. Крышка от бутылки «Боржоми». Та самая, которую Саша крутила в руках перед тем, как ей стало плохо.

Он носил её с собой почти сутки — с той минуты, когда Саша поступила в родовое отделение.

— Рукоятка, значит, — пробормотал он, сжимая пластик в кулаке.

Телефон на столе снова вспыхнул. На этот раз — обычный вызов. Дежурный.

— Борисович, вторая родовая. Отслойка. Едешь?

Артём посмотрел на крышку, потом на своё отражение в чёрном стекле. Под глазами залегли тени, но взгляд был живым. Так живым он себя не помнил.

— Еду, — сказал он в трубку.

Он вышёл из ординаторской, на ходу надевая маску. Впереди был коридор, залитый мёртвенным светом люминесцентных ламп.

Где-то там, за дверью родзала, снова рождалась жизнь. А где-то рядом, невидимая для всех, кроме него, стояла Саша. Возвращаться в собственное тело она пока не спешила.

Глава 2. Между этажами

Прошло две с половиной недели с той ночи в 306-й. На четырнадцатой минуте реанимации сердце Саши вернулось — против статистики, без причины, которую можно было бы записать в историю болезни. Врачи развели руками: ДВС-синдром отступил сам. Ещё две недели её держали в отделении по протоколу — гепарин, свежезамороженная плазма, ежедневные анализы. Выписали в среду, а по ночам она снова приходила сюда — в Лимб.

Лимб звучит по-разному. В родзале он звенит, в морге — вязнет, а в старых грузовых лифтах гудит: низко, на границе слышимости.

Артём называл это место «Лифтом Шиндлера» — за ощущение бесконечного, клаустрофобного падения в никуда. Грузовые лифты — это главные ловушки Лимба. Души застревают между этажами, потому что кнопка нужного им неба заклинила.

Суббота. 03:40 утра.

В реальном мире Артём сидел в кресле в ординаторской, делая вид, что изучает анализы. На самом деле он смотрел в одну точку, чувствуя, как по позвоночнику бежит холодок.

— Он там уже час, — сказала Саша.

Она сидела на стопке стерильных пелёнок. В реальном мире её тело спало в квартире Максима, но здесь, в Лимбе, она была на работе. На ней были те же джинсы, что и днем, но сквозь ткань просвечивала бледность.

— У него запятая на 142-й странице, — буркнул Артём, не отрывая взгляда от пустой стены. — Семён Маркович всегда был педантом. Лучше бы помер от водки, как все нормальные люди.

— Без цинизма, — Саша пнула его пяткой. — Ему страшно.

— Ему скучно. Это разные вещи.

Они стояли в кабине старого грузового лифта. Жёлтые стены, исцарапанные десятилетиями погрузок, заливал тусклый, мигающий свет. В углу мигала красная кнопка «Стоп».

Посреди кабины, мерцая от напряжения, стоял Семён Маркович. Бывший заведующий кардиологией. Человек, написавший три учебника. Сейчас он выглядел как нашкодивший школьник.

— Я не могу выйти, — в сотый раз повторил он. — Двери не открываются. И кнопки… они нажимаются, но ничего не происходит. Я застрял.

— Вы не застряли, профессор, — Артём наконец повернулся к нему. — Вы умерли. Поздравляю с успешной защитой докторской у апостола Петра.

— Не паясничайте, Борисович, — огрызнулся призрак. — У меня там учебник. «Клиническая аритмология». Мы сдали макет в печать во вторник. Я вычитывал последнюю главу. Там формула на 142-й странице… коэффициент вариабельности. Я не помню, поставил я там запятую или нет. Если не поставил — тираж пять тысяч экземпляров. Весь мир будет считать, что я идиот.

Артёма передёрнуло. Умереть из-за запятой. Это было настолько мелко и настолько по-человечески, что его профессиональный цинизм дал течь.

— Если вы не выйдете из этой кабины, — медленно произнес Артём, — ваш учебник вообще не напечатают. Потому что издательство завтра сгорит. Вместе с вашей рукописью. Пожар в соседнем здании. Замыкание.

Семён Маркович побледнел ещё сильнее, хотя, казалось, куда уж дальше.

— Что?

— Шучу, — Артём криво усмехнулся. — Но согласитесь, профессор, это было бы иронично. Умереть от страха опозориться, чтобы в итоге действительно всех подвести, потому что застрял в лифте.

Саша закатила глаза.

— Тёма, прекрати. Вы же умный человек, Семён Маркович. Вы спасли сотни жизней. Неужели судьба вашей запятой важнее, чем то, что вы оставляете жену?

— Жена… — призрак дрогнул. — Верочка. Она без меня пропадет. Она же даже карту в поликлинике найти не может.

— Вот, — кивнула Саша. — Вот это важно. А запятая — это просто чернила.

— Чернила не убивают, — огрызнулся профессор. — А стыд убивает. Вы молодые, вы не понимаете. Когда на тебя смотрят триста студентов, а ты ошибся в знаке…

— Я понимаю, — голос Артёма стал тихим, тяжёлым. — Я понимаю, что вы сейчас торчите в железной коробке размером два на два метра. Навечно. И единственное, что вас здесь будет кормить — это ваша собственная слюна и мысль о том, что вы ошиблись в учебнике. Вы хотите стать вечным экспонатом для музея скуки?

Лифт дёрнулся. Кабина скрипнула. Красный свет замигал чаще. Пустота, привлеченная яростью и страхом профессора, начала просачиваться сквозь вентиляционную решётку под потолком. Сначала тонким серым дымком, потом — жирными чёрными каплями.

— Оно здесь, — прошептала Саша. Она инстинктивно шагнула ближе к Артёму, их плечи соприкоснулись.

— Оно всегда здесь, когда пахнет гордыней, — Артём достал из кармана халата планшет. — Так, Семён Маркович. Хватит рефлексировать. Переходим к протоколу.

Он нажал на экран.

— Я взломал базу данных типографии, — соврал Артём. — Смотрим. Тираж 5000. Страница 142.

На экране планшета загорелся текст. Артём читал его вслух, медленно, с садистским удовольствием:

— «…коэффициент вариабельности сердечного ритма (КВСР) является маркером…». Точка, профессор. Там стоит точка.

Семён Маркович моргнул.

— Быть не может. Я всегда ставлю запятую там, где обособляется…

— Вы поставили точку, — отрезал Артём. — Потому что редактор, эта стерва Инга Борисовна, сказала, что места мало. Вы спорили с ней три часа, а потом сдались. Вы помните, как вы сдались? Вы выпили коньяк прямо из фляжки в ящике стола.

Профессор замер. Его лицо изменилось. Злость на Ингу Борисовну была гораздо более живым чувством, чем страх перед студентами.

— Сволочь, — тихо сказал он. — Она ещё сказала, что у меня туфли нечищеные.

— Вот, — Артём улыбнулся. — Вот теперь вы похожи на живого. А теперь посмотрите на дверь.

Профессор обернулся.

Двери лифта были открыты.

За ними не было шахты. За ними была ординаторская кафедры. Старый кожаный диван, стол, заваленный бумагами, и спящий на кушетке интерн с открытым ртом.

— Но… как? — прошептал Семён Маркович.

— Вы вышли, когда перестали думать о себе, — сказал Артём. — И начали думать о том, как ненавидите свою редакторшу. Ненависть — отличный лифт, правда, воняет хуже канализации.

Профессор сделал шаг к выходу. Его призрачная нога прошла сквозь порожек.

— Борисович… — он обернулся. — Спасибо. И… простите за «не паясничайте».

— Идите, — махнул рукой Артём. — И если увидите там сверху верстальщика, передайте, что таблицы в приложении он сверстал криво.

Семён Маркович кивнул и шагнул в ординаторскую. Двери лифта за ним плавно закрылись.

Саша проводила профессора взглядом и повернулась к Артёму.

— Откуда ты знал про фляжку? Про Ингу Борисовну? Про нечищеные туфли?

— Не знал, — Артём убрал планшет в карман. — Подбирал. Мужчина, который сорок лет пишет учебники, обязательно имеет редактора, с которой ругается из-за запятых, и фляжку, которую прячет от жены. Это не ясновидение, Саш. Это диагностика. Смотришь на анамнез — ставишь диагноз.

В кабине стало светлее. Чёрные капли Пустоты на потолке зашипели и начали испаряться, не найдя подпитки. Твари нужен был вселенский трагизм, а не мелкая бытовая мстительность.

Артём убрал планшет. Повернулся к Саше. Она всё ещё стояла вплотную к нему. Их «операционный светильник» — золотистый столб воздуха между их ладонями — горел ровно и спокойно.

— Знаешь, что самое мерзкое? — спросил он, глядя на закрытую дверь лифта.

— Что? — она подняла на него глаза.

— Что я только что спас величайшего кардиолога современности исключительно потому, что мне было лень слушать его нытье ещё час.

Саша фыркнула. Смех в Лимбе звучит как звон хрусталя.

— Это не лень, Тёма. Это высшая форма эмпатии. Ты дал ему не смысл жизни. Ты дал ему смысл обиды. Это сработало.

— Это сработало, потому что я врач, — он направился к выходу из лифта. — Я знаю, куда давить, чтобы пациент не сдох от болевого шока.

Они вышли в коридор седьмого этажа. В реальном мире в ординаторской зазвонил телефон. Артём поморщился.

— Что там? — спросила Саша.

— Петрова. Опять. Говорит, что видела в вентиляции лицо.

— Чьё?

— Лифтёра. Она уверена, что он хочет сожрать её котлету из столовой.

Артём закатил глаза и пошёл к посту. Саша двинулась за ним, на ходу доставая из воздуха невидимую сигарету.

— Дай прикурить, рукоятка, — попросила она.

— Ты же не куришь, лезвие, — он щёлкнул пальцами, и на кончике её сигареты вспыхнул холодный синий огонек.

— Теперь курю, — она затянулась. — У мёртвых свои вредные привычки.

Он усмехнулся.

— «Рукоятка». Это я сам себя так обозвал этой ночью. А ты уже по привычке.

— Подцепила, — Саша кивнула на карман халата, где лежала крышка от «Боржоми». — Ты держишься за неё, когда всё идёт вкось. Без неё не заведётся ни один механизм. Идеальное имя для заведующего.

— Тогда понятно, кто у нас лезвие, — сказал он вместо ответа. — Режешь правду без наркоза.

— У мёртвых свои инструменты, — она выдохнула синий дым.

Они дошли до поста. Артём взял трубку.

— Петрова, это Борисович. Нет в вентиляции никакого лица. Это просто тень от швабры. И если вы ещё раз позвоните мне по этому поводу, я лично приду в вашу палату и заставлю вас съесть эту котлету сырой. Отбой.

Он бросил трубку.

— Тяжело быть богом? — усмехнулась Саша.

— Тяжело быть терапевтом, — Артём размял переносицу пальцами. — Пошли. У нас в травматологии мотоциклист. Там крови по колено. Никакой эстетики. Только мясо.

Саша затушила сигарету о воздух — огонек рассыпался искрами.

— Мясо так мясо, — согласилась она. — Главное, чтобы не было запятых.

Они шагнули сквозь стену ординаторской, растворяясь в сером свете больничного коридора, который для них был лишь предбанником настоящего театра боли.

Глава 3. Швы, которые не снимают

У травматологии своя фактура. Если роддом — это стерильный страх перед чудом, то травма — это грязный асфальт, жжёная резина и чужая кровь на перчатках.

В реальном мире в «пятерку» — реанимационный зал — их привезли двоих.

Илья, 22 года. Спортбайк, скользкая разметка, фургон «Газель».

ДТП всегда были самыми грязными. Не из-за травм — кости Артём собирал с закрытыми глазами. Грязными они были из-за эмоций. Гнев, отрицание, обида — это высококалорийный фастфуд для Пустоты.

— Время смерти? — спросил Артём, натягивая перчатки, даже не взглянув на тело. Он смотрел наверх.

— Три минуты назад, — ответил Лешка-реаниматолог. — Но мы качаем. Парень крепкий.

В Лимбе «пятерка» выглядела как скотобойня после бомбежки. Потолок провис под тяжестью чёрного жира. Пустота здесь не просто висела в углу — она стала архитектором. Она перестроила пространство, сузив палату до размеров гроба.

В центре, на перевернутой каталке, сидел парень. На нем не было шлема — он валялся в другом конце зала, расколотый пополам. Кожаная куртка с заклепками была разодрана, но призрак выглядел целым. Только очень, очень злым.

— Да вставьте вы уже трубку! — орал Илья на реаниматологов, которые в реальном мире ритмично давили ему на грудину. — Я же дышу! Эй! У меня завтра кастом-байк доделывать, отвалите от меня со своими мешками!

Он был в стадии отрицания. Самая злая стадия. Пустота любила гнев, она питалась им, как сухим спиртом. Чёрные щупальца уже оплетали ноги парня, впиваясь в икры.

— Не лезь в лоб, — бросил Артём Саше, даже не поворачивая головы. Его голос был сухим, как шелест медицинской карты.

— Вижу, — отозвалась она. Её голос обволакивал, гасил эхо. — Он не злится на «Газель». Он злится на отца.

Илья наконец заметил их.

— О, доктор Хаус явился, — сплюнул он на пол. На полу осталась вязкая, светящаяся слюна. — А ты кто, медсестра? Где моя куртка? Отдайте куртку, я сваливаю.

Артём сделал шаг вперед. Он больше не пытался быть добрым. Он включил «начмеда».

— Илья Сергеевич Волков, — голос Артёма ударил по стенам, заставив задребезжать стеклянные шкафчики. — Байк модели «Драгстар», номер рамы перебит. Вы везли его к Михалычу в Мытищах. Вы превысили скорость на сорок километров. Вы убили себя сами.

Илья опешил. Он привык, что врачи врут, утешают. Этот говорил фактами.

— Приборка цела была бы, если бы батя не зажал денег на новую вилку, — огрызнулся Илья, но уже тише. — Я на старой подвеске ехал. Сказал — «нечего деньги на японщину тратить, старая ещё походит». Походила, блин.

Слово «батя» вспыхнуло в воздухе красным. Саша сделала шаг из-за спины Артёма, но не к Илье, а вплотную к Артёму. Она положила руку ему на плечо. В реальном мире Артём в своей квартире резко вдохнул, его зрачки дёрнулись под закрытыми веками.

Золотой столб воздуха между их ладонями вспыхнул ярче.

Саша не стала утешать Илью. Она не стала говорить: «Он желал тебе добра». Она сделала то, что делала Саша-мать — она отзеркалила боль, но без жалости.

— Ты злишься, что он сэкономил на железе, — Саша говорила тихо, но её голос теперь шёл не изо рта, а от всего её силуэта, заполняя палату. — Но ты злишься не на вилку. Ты злишься, что он экономил на тебе всю жизнь. На репетиторах, на новой куртке, на нормальном

обручальном кольце для твоей мамы, которое она носит, хотя оно ей мало. Ты злишься, что он любит свои старые «Жигули» больше, чем твое будущее.

Илья замер. Его рот приоткрылся. Пустота за его спиной зашипела, протягивая к нему чёрные щупальца — она учуяла уязвимость.

Раньше Артём в этот момент встал бы между душой и тварью, принимая удар на себя. Но сейчас он остался на месте. Он просто изменил частоту.

Артём посмотрел на Илью холодным, сканирующим взглядом врача приёмного покоя.

— Он не любит «Жигули», — отрезал Артём. — Он любит предсказуемость. Твоя мать ушла, когда тебе было пять. «Жигули» его ни разу не бросили. Он не умеет любить людей, Илья. Он умеет любить только то, что можно перебрать своими руками и что гарантированно заведётся утром. Ты для него — открытый перелом неизвестной этиологии. Он не знал, как тебя лечить, и боялся сделать хуже. Поэтому давал деньги на старую вилку. Это его способ сказать «я люблю тебя», не касаясь тебя руками. Он инвалид по эмоциональной части.

Саша и Артём переглянулись. Это длилось долю секунды.

«Я вскрываю гнойник», — говорили глаза Артёма.

«Я держу давление», — отвечали глаза Саши.

Они снова повернулись к Илье. Теперь они стояли плечом к плечу. Золотой столб воздуха за их спинами превратился в подобие операционного светильника, заливающего палату слепящим светом. Пустота заскулила и отползла в вентиляцию — она не выносила прямого, честного диагноза.

— Я… я просто хотел, чтобы он гордился, — прошептал Илья. По его прозрачным, юным щекам потекли светящиеся слёзы.

— Гордится, — Саша шагнула к нему и взяла его за руку. — Он сейчас сидит в коридоре больницы. Он не плачет. Он думает, какой купить тебе гроб. И он хочет, чтобы гроб был закрытый, потому что боится, что ты увидишь его лицо и поймёшь, как он на самом деле облажался.

— Он всегда так, — всхлипнул Илья. — Лучше бы орал. Лучше бы ремень взял.

— Напиши ему, — сказал Артём.

— Куда? — Илья поднял на него больные глаза. — Я же мёртвый.

— У него в кармане комбинезона лежит телефон, — Артём говорил жёстко, вбивая слова как гвозди. — Он вибрировать начнет через десять секунд. Рингтон стоит «Владимирский централ», он его ненавидит, но руки не доходят поменять. Это твой шанс. Он не умеет говорить «прости». Умеет только материться и платить по счетам. Ответь ему. Матом. Чтобы он понял, что это ты.

Илья посмотрел на свои руки. Он сжал кулаки. Его фигура, до этого размытая и бледная, начала наливаться плотным, синим светом — цветом сгоревшего сцепления и ночного асфальта.

— Да пошёл ты, старый хрыч! — заорал он в пустоту, и от звука его голоса в реальном мире подпрыгнул стаканчик с карандашами на посту медсестры. — Купи мне нормальный гроб, жмот! И матери скажи, что я её «Рено» разбил, она тебя прибьет быстрее, чем я! И пусть найдёт ту коробку из-под обуви на антресолях, там ключи от байка, я их не прятал, это ты их вечно перекладываешь! Скажи ей, что я… что я люблю её!

Он задохнулся от рыданий.

Саша шагнула к нему и просто обняла. Она не лечила. Она просто была матерью, которая обнимает чужого плачущего ребенка на детской площадке.

Артём подошёл сзади, положил ладонь Илье на затылок. Это был жест не утешения, а фиксации. Как фиксация головы перед интубацией.

— Достаточно, — сказал Артём. — Он услышал. Он сейчас полезет на антресоли. Иди. Твой кастом-байк доделает твой кореш из гаража. Через тридцать лет. И назовет его в твою честь.

Илья кивнул, вытирая светящиеся слёзы рукавом кожаной куртки, которой не было. Он посмотрел на Артёма и Сашу. Посмотрел не как на врачей. Посмотрел как на тех, кто только что провёл ему сложнейшую нейрохирургическую операцию на сердце без наркоза.

— Спасибо, док, — хрипло сказал он.

Он развернулся и шагнул в стену.

В ту же секунду в коридоре травматологии оглушительно заиграл «Владимирский централ». Седой мужик в комбинезоне вздрогнул, как от удара током, судорожно зашарил по карманам и вытащил телефон.

Артём и Саша остались стоять посреди пустой операционной.

Светильник над ними медленно гас.

Саша тяжело оперлась на Артёма. В реальном мире Артём в своей квартире открыл глаза и потянулся к тумбочке за нитроглицерином — сердце после таких сессий давало перебои.

— У меня, между прочим, дети по лавкам, Борисович, — слабо улыбнулась Саша, утыкаясь лбом ему в ключицу. — А я по ночам байкеров утешаю.

— У тебя один ребенок, и он сейчас доедает смесь, — Артём обнял её, чувствуя, как их силуэты снова начинают сливаться по краям в единое целое. — А байкер был совершеннолетним. Мы просто оказали консультацию.

— Консультация стоила нам года жизни, — Саша подняла голову. — Ты видел? Мы его не просто спасли. Мы его… собрали. Ты вправил вывих обиды, а я наложила шину на страх.

— Мы — одна бригада, — сказал Артём и поцеловал её.

На этот раз поцелуй не был дефибрилляцией. Он был наложением швов. Тонких, шелковых, которые не снимают никогда. Это был вкус стерильного металла, дешёвого кофе и абсолютного, невозможного доверия.

Когда они отстранились, в углу палаты что-то шевельнулось.

Там, где только что была Пустота, теперь сидел мелкий, размером с кошку, чёрный комок. Он не шипел. Он смотрел на них бусинками глаз и тихо поскуливал.

— Это ещё что? — брезгливо спросил Артём.

— Он наелся, — Саша присела на корточки. — Ты орал на Илью так, что у него, наверное, уши в реальном мире заложило. Твари не нужна была его обида. Ей нужна была твоя злоба. Ты её накормил.

Артём посмотрел на комок. Тот вильнул хвостом, как побитая собака.

— Забирай, — Артём кивнул Саше. — У тебя дома как раз не хватало коврика перед дверью.

— Он питается статикой, — Саша щёлкнула пальцами, и комок послушно перетек к ней на руки. — У Максима как раз счетчик за свет бешеный. Будет экономия.

Артёма передёрнуло.

— Только не в мою кровать.

— В твою кровать я пойду сама, — Саша поднялась. Чёрный комок уютно устроился у неё на плече, как хорек. — Если ты, конечно, перестанешь делать вид, что у тебя нет тахикардии.

Она шагнула к стене, ведущей обратно в мир живых.

— Тёма, — она обернулась в последний момент. — Когда мы в следующий раз будем кого-то спасать… ты можешь просто сказать, что боишься меня потерять? Без лекции о кардиомиопатии?

Артём открыл рот. Закрыл. Посмотрел на свои руки. Они больше не дрожали.

— Я не умею, — честно сказал он.

— Я знаю, — она улыбнулась. — Поэтому я люблю тебя. За то, что ты хотя бы пытаешься быть человеком, когда никто не видит.

Она шагнула в стену.

Артём остался один.

Он подошёл к операционному столу. Сел на круглый табурет.

В реальном мире за окном начало светать. Серый, грязный февральский рассвет.

Он достал планшет. Открыл новый файл.

Создал таблицу.

«Объект: Илья Волков. Диагноз: Острая интоксикация виной. Терапия: Цинизм (200 мг) + Материнская эмпатия (500 мг). Побочный эффект: Появление домашнего питомца (Пустотник обыкновенный). Рекомендации: Саше — валерьянка. Мне — коньяк».

Он сохранил файл и убрал планшет.

Впереди была долгая смена. И где-то там, в квартире с водой, текущей вверх, его ждала единственная женщина во вселенной, которая называла его «рукояткой» и всерьёз собиралась завести в качестве питомца сгусток первородной тьмы.

Артём усмехнулся и пошёл к выходу.

Лимб снова звал его на обход.

Глава 4. Ломка

Реальность — это плохой анестетик. Она действует недолго и имеет массу побочных эффектов: мигрень, тошнота и острое желание разбить кулаком кафельную плитку.

Артём вернулся в ординаторскую в 06:15. Рассвет за окном выглядел как мокрая газета, прилипшая к стеклу. Он снял халат, кинул его на спинку кресла. Рукав задел пустую кружку, и та разбилась о линолеум.

Звук был оглушительным.

В Лимбе звуки имели плотность. Там крик Пустоты мог сбить с ног, а шёпот Саши — остановить кровотечение. Здесь, в ординаторской, звук разбившейся кружки был просто звуком. Пустым, пластиковым, никому не нужным.

— Борисович, вы в порядке? — в дверях показалась голова Лешки. Глаза интерна были красными от недосыпа.

— Нормально, — Артём даже не повернулся. — Иди, поспи. У тебя тремор.

— У меня? — удивился Лешка. — Это у вас руки…

Артём посмотрел на свои ладони. Они лежали на столе и мелко, едва заметно дрожали. Как у паркинсоника. Или как у алкоголика со стажем.

— Это от кофе, — отрезал Артём. — Свободен.

Лешка прикрыл дверь. Артём остался один.

Он подошёл к кулеру. Налил воды. Выпил. Вода была тёплой и отдавала пластиком.

Он подошёл к окну.

Час назад, после ухода Саши, он пытался уснуть. Провалялся на диване три часа, глядя в потолок. Потолок давил. Ему казалось, что если он закроет глаза, то упадёт. Не в сон. В ту самую шахту лифта, где нет дна.

Он достал телефон. Разблокировал. Открыл галерею.

Фотография была одна. Случайная. Сделанная кем-то из медсестер недели три назад. Он, Саша и Ульяна.

Саша держит дочь на руках. Ульяна — крошечный комок — спит, смешно сморщив нос. Саша смотрит не в камеру, а на Артёма. У неё этот взгляд… взгляд человека, который только что вернулся с того света и обнаружил, что в раю тоже есть очередь в регистратуру.

А Артём на фото смотрит на Сашу. И у него такое лицо, будто он держит на плечах небо и боится пошевелиться, чтобы оно не рухнуло.

Артём сжал телефон. Пластик жалобно хрустнул.

— Черт, — выдохнул он.

Тремор.

Он знал этот симптом. Это не выгорание. Это ломка.

Его нервная система, привыкшая к сверхпроводимости Лимба, к тому золотому столбу энергии между их ладонями, сейчас билась в агонии. Он пытался заземлить высоковольтную линию на обычную розетку. Розетка плавилась.

— Борисович, там Савельева в пятой, — голос дежурной медсестры из селектора вырвал его из оцепенения. — Сатурация падает. Девяносто два. И она… она смотрит в угол.

— Что в углу? — машинально спросил Артём, хватая стетоскоп.

— Ничего. Пусто. Но она говорит, там кто-то стоит и дышит.

Артём замер. Стетоскоп выскользнул из руки и упал на пол с тихим, жалким стуком.

— Я сейчас буду, — сказал он в селектор. Голос звучал ровно. Слишком ровно.

Он медленно наклонился, поднял стетоскоп. Вытер его о штаны.

Вчера он бы увидел этого «кого-то» в углу палаты Савельевой. Это была бы просто потерянная душа, забывшая выключить свет. Он бы подошёл, щёлкнул пальцами, сказал: «Марш в регистратуру» — и дело с концом.

Сейчас он не видел ничего. Угол был просто углом. Пустым, пыльным, с подтеком на обоях.

Но он чувствовал.

Там, за стеной, в паре километров от больницы, Саша сидела на кухне. Максим наверняка спал. А Саша смотрела в свою кружку и чувствовала это. Холод, ползущий по позвоночнику.

Он бросил стетоскоп на стол.

— К чёрту, — процедил он.

Он прошёл через ординаторскую, мимо поста, мимо удивленных взглядов сестёр. Он не пошёл к лифту. Он подошёл к лестничному пролету.

Три этажа вниз. Бегом.

Он ворвался в подвал. Здесь пахло сыростью и крысами. Артём шёл по коридору, освещенному тусклыми аварийными лампами. Он знал, куда идти.

В самый дальний тупик. К старой бойлерной, которую заварили лет десять назад.

Дверь была покрыта инеем. Хотя в подвале было плюс пятнадцать.

Артём ударил в неё кулаком. Не сильно. Просто чтобы обозначить присутствие.

— Я знаю, что ты здесь, — сказал он в металл. — Выходи.

Тишина.

Потом — тихий, вибрирующий звук, похожий на мурлыканье.

Краска на двери пошла пузырями и начала чернеть, сворачиваясь в трубочки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.